

Он не любит исторических ролей и мечтает о большом светлом доме и гамаке в саду

ЦИНИЧНЫЙ РОМАНТИК

АКТЕРСКАЯ карьера Алексея Макарова развивается весьма успешно. Но все же настоящая слава настигла его после смерти матери — замечательной актрисы Любови Полищук.

Когда пресса жаждала его комментариев, Алексей ото всех закрылся — настолько крепко, что даже самые ярые циники сказали: «Как сильно он горюет!» Магнитогорск Алексей Макаров посетил в рамках проекта «Ледниковый период», в котором танцевал на льду вместе с самой сексуальной фигуристкой и певицей Аней Семенович. На интервью согласился легко, но только со мной — остальным не сказал даже пары слов.

— Мне кажется, у вас аристократичная внешность — не такая тонкая, как у Вячеслава Тихонова или Олега Янковского, но на белого офицера «тянет». А ваш кинодебют — подполковник из «Ворошиловского стрелка»...

— Никогда не был утонченной личностью: мы родом из Омска — мать, бабушка, я. Ширококостные мясистые люди, к аристократии не имеющие никакого отношения. Поэтому последние десять лет я занимаюсь тем, что худею. Но получается все меньше и меньше (*Смеется*).

— Когда-то вам была близка роль Олега Янковского в фильме Романа Балаяна «Полеты во сне и наяву» — мятущаяся личность. А сейчас что вам близко?

— Для меня это одна из самых значимых ролей в мировом кинематографе. Янковский сам по себе явление уникальное: есть великий Миронов, Де Ниро, ну и Олег Иванович, конечно, дает стране угля. И это одна из лучших его ролей.

— Я имела в виду не актера и его игру, а именно героя, что он близок вам.

— Мужчина в молодости — мы все мечемся...

— Ну, он уж совсем странный, мягко говоря...

— Молодости присущи странные поступки, это абсолютно нормально. Есть такое понятие, как кризис среднего возраста, когда уже не молод, но еще не стар, и вдруг встаешь перед вопросом: а что дальше? Вот это задачка — так задачка... Кому-то нравится ее решать. Маша Голубкина говорит, что для нее кризис среднего возраста — лучший период. Я с ней не очень согласен, мне кажется, это своего рода экстремализм психологический.

— Откуда в российский кинематограф пришла западная мода раскручивать актера в одном амплуа? Андрей Панин — обязательно сволочь, Юрий Кузнецов — милиционер... Александр Дьяченко жаловался, что надоели роли красивых и при этом никаких...

— Продюсеры боятся прогадать, взяв Александра Дьяченко на роль подонка: типаж не тот. Поэтому Макарова никогда не позовут на роль утонченного принца, а Костю

Хабенского трудно себе представить бегающего с автоматом по скалам. Это не мода, а боязнь риска — подстраховка.

— Но ведь для актера это катастрофа!

— Мне грех жаловаться: я умудрился и с автоматом нарезать, и в любовных фильмах сняться, комедиях... Мне господь дал все, о чем я его попросил когда-то: все мои мечты сбылись.

— Об исторических ролях бога не просите?

— Я не люблю исторических романов — никогда мне не нравились плюмажи, перья и так далее. К тому же, там Саша Домогаров прочно занимает свое место, и дай ему бог здоровья.

— Меня поразила ваша фраза: «После бессонницы проблема номер один в XXI веке — одиночество». Вы боитесь одиночества?

— Да, как всякий нормальный человек.

— А сейчас модна теория о людях-синглах, которым хорошо с самим собой и больше никто не нужен — даже семья и дети.

— Мне жалко таких людей: самый близкий друг — компьютер. Очень легко в виртуальном пространстве представлять себя красивым, умным, всегда есть время на обдумывание ответа... Эти люди ущербны — онанисты.

— Слово «онанисты», с вашего позволения, я вырежу?

— Не надо — это мое мнение. Возможно, сейчас я оскорбляю большое интернет-сообщество. Я сам люблю иногда по Интернету пола-

зить — посмотреть новости, ролики, похихотать над «Комеди»... Но после трех часов я оставляю компьютер и иду к людям. А когда это перерастает в патологию — человек проводит за компьютером 14 часов в сутки, от этого надо лечить. Такой человек никогда не создаст семью: он боится людей, социума, общества.

— Вы часто повторяете фразу: актеры — люди с навсегда ушибленным самолюбием. Как она может применяться относительно вас?

— В полной мере — в детстве недолюбили.

— Вы именно это имели в виду?

— Да. Отсюда и постоянное самоутверждение, жажда общественного признания... Детство дает отмашку на всю жизнь.

— Поэтому вам настолько дорога бабушка, что ради ее душевного выздоровления после смерти дочери вы согласились участвовать в «Ледниковом периоде»?

— Мне очень дорога бабушка — это единственный родной человек в России. Есть еще тетка — родная сестра матери, но она живет в Германии.

— «Люди, имея все, могут не иметь ничего», — тоже ваша фраза.

— Ни один человек в мире не может сказать, что он имеет все. Можно быть королем и при этом страдать от одиночества. Можно иметь миллионы и чувствовать себя глубоко несчастным. Я никогда не понимал людей, которые имеют миллиарды — мил-ли-ар-ды!!! — и все хапают, хапают, хапают... Я был в самарском детском

доме — я сам вырос в интернате, так что... Это кошмар — и нам еще сказали, что это образцово-показательный детский дом. А они покупают 50-этажную яхту — ну 60-этажную еще купи!.. Дай ты денег детскому дому — будь человеком! Урод, присосался к нефтяной трубе, как клещ, уже разбух от миллиардов, но не даст никому ничего — не понимаю этого.

— А вам что нужно для счастья?

— Немного: честно намолотить денег, чтобы построить дом своей мечты — большой, светлый, просторный, с камином, сауной, спортзалом... И заселить его любимыми людьми: своей любимой девочкой, чтобы она нарожала мне детей, чтобы там бегали собаки, кошки, в саду висел гамак — у меня мещанские, приземленные мечты.

— Что вы, это так мило — я даже прослезилась, честное слово!

— Я о миллиардах не мечтаю — лишь бы меня любили моя девочка и мои дети: тогда и умирать спокойно можно. Вот это и есть мои мечты — говорю абсолютно искренне.

— Значит, ради своей девочки вы не пошли на популярные на Первом канале пиар-проекты, связанные с любовными романами? То страсть Лены Темниковой и Эдгара Запашного, то любовь в прямом эфире Алексея Ягудина и Вики Дайнеко...

— Ой, такая дешевка все это...

— Вы тоже могли составить отличный пиар-проект с Аней Семенович!

— Нет, я бы на это не пошел. У меня есть любимая — Настя Макеева, я ее люблю, надеюсь, и она меня любит, так что я не сделал бы ей больно. Да и самому противно.

— Правда, что вы ей колечко подарили?

— Правда.

— И что — прямо женились?

— Ну... (*Замаялся*). В общем, подарил. Это было не обручальное кольцо, а подарок на день рождения. Покупая его, я представлял, как загорятся ее глаза — и они действительно загорелись. А потом на нас вышел глянцевого журнала, попросили сделать фотосессию... Я не хотел, а Настя говорит: «Давай, давай»... — «Ну, давай!» — и сделали.

— Вы говорите как настоящий романтик. А когда вы играли со своей мамой на одной сцене мужа и жену, вы говорили, что оба были напряжены, но вы первым пришли в себя: «...потому что я циник».

— Это профессиональный цинизм: на сцене ты абстрагируешься, и неважно, кто перед тобой — сестра, брат, мать... Люди пришли смотреть на хорошую игру, и ты должен продемонстрировать профессионализм. Когда я играл царя Ирода в спектакле «Иисус Христос — суперзвезда», я выезжал на сцену с обнаженной девушкой на коленях. И меня мужики спрашивали: ну что там? Я отвечал: «Не знаю, я не вижу ее грудь — я вижу глаза». А в жизни я романтик.

— Вы говорили, что интереснее всего играть алкоголиков и умалишенных. А разве это не однобоко?

— Наоборот. Больной, ущербный, пьяный человек непредсказуем — именно этим он и интересен. Хороший человек предсказуем: он защитит, спасет и при этом красиво откиннет челку со лба — сделает все так, как от него этого ждут.

— На съемочной площадке вы считаете должным подчиняться режиссеру, даже если она женщина. А в жизни вы насколько способны подчиниться женщине?

— (*Смеется*). А в жизни я охальник, бузотер и рукоусый. Я не люблю подчиняться. Со мной — как с маленьким ребенком: лаской и терпением, уговорами и поцелуями.

— Какие женщины вам нравятся — решительные и целеустремленные или слабые и беззащитные?

— Знаете, если ты полубил женщину, у которой есть мужские черты характера, то ты будешь с ней жить, несмотря даже на то, что у нее усики растут. Настюха моя — женщина до мозга костей: в рассуждениях, поступках — абсолютная девчонка. И мне это очень нравится.

— И за это вы ее полюбили?

— Если честно, на тот момент, когда мы оказались вместе, мне было не до любви — у меня мать умирала. Наши отношения начались за неделю до смерти моей мамы. Просто Настя ста-

ла тем человеком, который поставил свое плечо и был рядом в самый тяжелый период моей жизни. Потом уже начались чувства: когда я вдруг однажды очнулся и увидел рядом ее шикарные глаза — вообще, роскошную женщину.

— Я очень боялась задевать тему Любови Полищук, потому что знаю, насколько вам тяжела эта тема... Желтая пресса много писала о ее болезни, и ни слова плохого я не прочитала — напротив, только добрые хорошие слова. Вы не хотели общаться — журналисты добывали информацию любыми путями. Не проще ли было просто встретиться с ними и самому рассказать всю правду, чем читать самые невероятные слухи?

— Понимаете... Я ведь тогда могу и в туалет ходить на глазах у всех... Есть предел. (*Очень жестко, сжав кулаки*). Больная лысая мать выходит на балкон покурить, а там какая-то сволочь сидит среди ветвей и поливает ее из фотоаппарата — есть предел, за который нельзя выходить. Нельзя снимать шикарную актрису, красивейшую женщину, которую вся страна любила, именно такой. Нельзя ее показывать беспомощной, немощной и лысой — это подло, за это надо рот рвать.

— Меняем тему — вы не сразу поступили в ГИТИС. Спустя годы, уже можете объективно сказать, почему вы не прошли конкурс? Если бы вы были членом комиссии, вы бы сами себя взяли?

— Я себя вообще никогда в театральный институт не взял бы. Я даже в монитор на съемках не смотрю — не люблю себя видеть на экране. Мне не нравится артист Макаров.

— Ого! Но из профессии, тем не менее, вы не уходите!

— Ну да, я же не хочу с голоду умереть! Мне надо семью кормить.

— Когда-то говорили, что популярность — это когда на тебя делают пародию. Сейчас говорят, что популярность — это когда тебя приглашают на программу «Сто вопросов взрослому». Вы бы хотели стать героем этой программы?

— Я с детьми в детдоме на днях разговаривал, они задавали мне вопросы, и это было приятно и легко. С детьми вообще легко — мне, во всяком случае. С ними нужно быть открытым — дети фальшь чувствуют в одну секунду. Со взрослыми можно лукавить, и они этого не заметят. А детей не проведешь. Поэтому перед ними можно и даже нужно быть искренним и открытым.

— А вы лукавите по жизни?

— (*Смеется*). Этим я зарабатываю себе на жизнь.

— Ну, это на сцене... А в жизни — вот со мной, в частности?

— В начале нашего разговора вы спросили, всегда ли я открыт. Так вот, с журналистами, в основном, нет. Но вот с вами почему-то разоткровенничался.

— Большое спасибо вам за это.

РИТА ДАВЛЕТШИНА.
Фото ЕВГЕНИЯ РУХМАЛЕВА.